

16. Tarle E.V. *Nashestvie Napoleona na Rossiju. 1812 g.* [Napoleon's invasion to Russia. 1812]. Moscow, 2009.
17. Tonchu E. *Istoki i tradicii moskovskogo dobrovol'chestva* [Sources and traditions of the Moscow voluntariness]. Moscow, 2010.
18. Troickij N.A. *Otechestvennaja vojna 1812 g. Istorija temy* [Patriotic War of 1812. Subject history]. Saratov, 1991.
19. Troickij N.A. *1812. Velikij god Rossii* [1812. Great year of Russia]. Moscow, 1988.
20. Homutovskij P.F. *Napoleon Bonapart – vojna s Rossiej ili s Tret'im Rimom?* [Napoleon Bonaparte – war with Russia or with the Third Rome?]. Available at: <http://www.arms-expo.ru>.
21. *1812 god v russkoj poezii i vospominanijah sovremennikov* [1812 in Russian poetry and memoirs of contemporaries]. Moscow, 1987.

ПАТРИОТИЗМ И ПАТРИСТИКА (ОБ ИСТОРИОСОФИИ И ПОЛИТИКЕ В СОБЫТИЯХ 1812 г.)

Шамшурин Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: shamshuriny2@mail.ru

PATRIOTISM AND PATRISTICS (ON HISTORIOSOPHY AND POLICY IN EVENTS OF 1812)

Shamshurin Victor I., D.Sc. (Sociology), Professor

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovskiy prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: shamshuriny2@mail.ru

Если говорить об историософии, как о философии, рассматривающей конечную суть истории во всём, что касается природы, человека и Бога, то историософия России, явленная, прежде всего, в Лаврентьевской летописи, т.е. «Повести временных лет», ставит свои главные задачи уже в самом названии этого ключевого древнего памятника русской письменности и культуры. «Временные», т.е. преходящие лета, перед которыми – Вечность. В греческой философии, как известно эти времена называются «хронос» и «кайрос». Соответственно, Россия начинается, как некий проект, с Крещения, т.е. идентичность, тождество носит метафизический, или, если угодно, культуроцентрический характер. Это проект, которому хотя и дан шанс, благоволение, но пользующийся всем этим, действующий самостоятельно. С ошибками, свершениями; успехами и неудачами, движущийся из преходящего в вечное.

Это не биоцентрический, оргиазмический, социо-политический, экономический или мифоцентрический проект, связанный с рождением героя и его подвигами, как это чаще бывает в истории (Латин, Эней, Персей, Моисей, Ромул, Беовульф и т.д., когда речь идёт о героико-эпических песнях о правителе г. Урук в Шумере – Гильгамеше; или в духе древнеегипетского «Рассказа Синухета»; или того же «Беовульфа»; или «Энеиды» Публия Вергилия Марона; то же можно сказать о героическом эпосе «песней» «Каролингского Возрождения» – «Песнь о Роланде»).

История России начинается с социально-сакрального действия, т.е. Крещения, которое, к тому же принимается народом добровольно: «людье с радостью идяху»¹. И с его отражения – фиксации (как диахронического в названии улицы – «Крещатик» в Киеве; так и синхронического в самой «Повести»).

Стремление к рассмотрению истории России чрез призму теории «последних времён» и преддверия «Последнего Времени, или Исхода» – исконная, повторяю, тема русской культуры. Особо ярко она прозвучала в 1812 г., в который раз чётко подтвердив мысль о том, что Православие – основа жизни России и в истории преходящей, и в истории вечной.

¹ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 53.

По Л.А. Тихомирову, реформа Петра I и после него – это попытка завоевания России европейской культурой, как, именно, «замена» – «вытеснение», а не «взаимодействие – дополнение» и «сосуществование». Нашествие Наполеона – лишь последняя проверка успеха этого предприятия и штрих в доказательстве этой версии, как именно успешной. Иначе нашествие просто необъяснимо. В самом деле – что было надо Европе «двунадесяти языков» в России, кроме закрепления и окончательного установления духовной экспансии военно-политическими средствами (опасности чего прекрасно понимал Александр Невский) в противном случае просто не ясно. Ведь о нефти и газе тогда ещё не знали. Да и не было в них нужды. Сейчас эту традицию культурного экспансионизма, который вообще отрицает право России на культуру, продолжают последователи Наполеона – представители «ценностной политологии» – и не только во Франции. Они говорят – у России нет культурных ценностей, а есть биоресурсы и углеводороды. Это отсталая, второсортная страна. Поэтому она – энергетический агрессор, диктующий Западу свою волю... Всё было бы так, если бы сами оппоненты России не имели к этим ресурсам никакого интереса и не пользовались ими. Другими словами – были бы «ангельского чина». Пока же потребление традиционных энергоресурсов только возрастает. И если не на получение альтернативных источников энергии, то на производство аппаратуры, по производству этих альтернативных источников энергии... Получается плохо скрытое недоброжелательство-зависть вперемешку с гностическим лицемерием. А в основе всего этого – мечты о желательных захватах-конфискациях.

Прекрасно об эсхатологии русской историософии, как единстве прошлого и будущего в настоящем, т.е. в «нас» и в нашем «стоянии» на определенных культурных позициях, в нашем культурном угле зрения, как вечном, сказал А.С. Пушкин¹: «Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу: / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам. / На них основано от века, / По воле Бога самого, / Самостоянье человека, / Залог величия его».

Вторжение «двунадесяти языков» следует рассматривать именно как следствие. О причинах – экономических, политических, особенно, военных, особенно дипломатических, т.е. внешних, сказано и говорится до сих пор очень много. Об историософских, метафизических, культуртрегерских, цивилизационных – гораздо меньше и, в основном, художественно-поэтическими средствами. Но даже А.И. Герцен, совершенно в либерально-демократическом стиле, и прежде, и теперь говорящем о России неприязненно и с позиций «стороннего наблюдателя» в сослагательном наклонении «эта страна», «этот народ», даже он полностью метафизичен и историософичен, «традиционен», давая оценку событиям 1812 г.: «Народ этот убеждён, что у себя дома он непобедим; эта мысль лежит в глубине сознания каждого крестьянина, это – его политическая религия. Когда он увидел иностранца на своей земле *в качестве неприятеля* (курсив мой – В.Ш.), он бросил плуг и схватился за ружьё. Умирая на поле битвы за «белого царя», пресвятую богородицу, – он умирал на самом деле за неприкосновенность русской территории»².

Для А.С. Пушкина лукавый космополитизм-беспочвенничество не приемлем в словесности даже стилистически. Для него «Москва», «Россия», «Бородино» – явно не «травматические», как принято сейчас говорить о патриотизме и религии в либерально-постмодернистской среде, термины. Они сладостны Пушкину, он с ними в единстве. Пушкин именно историософичен: «Гроза двенадцатого года / Настала – кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский бог? / Но бог помог – стал ропот ниже / И скоро силою вещей / Мы очутились в Париже, / А русский царь – главой царей»³.

¹ Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 496.

² Михайлов О.Н. «Недаром помнит вся Россия...» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 3–4.

³ Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 349.

О теории и практике «борьбы противоположностей» как сути западной культуры, которая не терпела раньше и не терпит теперь рядом с собой ничего самобытного и непохожего как равного следует говорить особо. Однако и раньше, и теперь периодически возникает требование: «Россия, мир, будьте, как мы, или не будьте». В соответствии с этой речевкой всякое иное, другое – опасно и подлежит уничтожению. Противоположностям – можно только бороться. Эта манихейская, монтанистская, идущая от Августина и Тертуллиана традиция в западном христианстве до сих пор неизменна. Особенно монтанизм Тертуллиана, в котором уже есть предварительное деление людей на «высших» и «низших» («духовных» и «душевных») и умаление роли Церкви в спасении. На Востоке – противоположности не исключают, а «симфонически» взаимодополняют друг друга. И это, конечно, для Запада, то «безумие и соблазн», которые надо уничтожить.

Об этом, как известно, у первых славянофилов, особенно у А.С. Хомякова¹, особенно у И.В. Киреевского – очень много, подробно и никаких (!) возражений-опровержений с западной стороны пока ещё на этот счёт не было, что очень показательно. У Пушкина вся религиозная историософия – в нескольких словах. Но каких! Именно раскрывающих «конечные сущности» в понимании «русской свободы», как праве жить по собственному разумению и в соответствии с собственной культурой, как именно «самостоянием». Собственно, по древнерусски, «свобода» означает «свобство», т.е. «личность» во всём её своеобразии. И на этом как на устое держится «Свод» мироздания, которое только в этом случае и будет устойчивым в самом себе и крепко стоящим на собственных ногах.

Однако историософскими, по сути, являются и прозападные, точнее, антирусские настроения в самой России, которые были и до 1812 г., и после. По форме – либерально-демократические. Однако в их основе, как это ни парадоксально, идея священства и праведности должного и непримиримости к недолжному. Идея Православная, по форме, но лаицизированная, по сути, в основе которой не мир, а борьба. Борьба стандарта, «должного», с земным началом. Или, наоборот (что не так уж и важно), – конфликт реального, земного, как истинно сущего начала, с идеальными выдумками. Так или иначе, противостояние идеи и наличного существования. Например, Святой Руси и земной родины. По сути отечественное западничество, например декабризм, – это прежде всего (при всей многомерности и неоднозначности этого явления) иллюзионистская, гностическая ересь в Православии, которая, как

¹ А.С. Хомяков спрашивает, почему о России на Западе пишут с такой злобой и ложью, на чём они основаны, чем мы её заслужили? И сейчас эти вопросы так же актуальны, как и во времена Алексея Степановича, т.к. с тех времён мало что изменилось. И продолжает, – всегда о нас один отзыв – насмешка и ругательство; всегда к нам одно чувство – смешение страха с презрением. Не того бы желал человек от человека. Согласимся с Хомяковым, объяснить эти враждебные чувства в западных народах, которые развили у себя столько семян добра и продвинули так далеко человечество по путям разумного просвещения – трудно. Тем более, что Европа не раз показывала сочувствие даже с племенами самыми дикими. Странно, что Россия, полагает А.С. Хомяков (и с большой долей юмора при этом!), одна имеет как будто бы привилегию пробуждать худшие чувства европейского сердца. Кажется, считает Алексей Степанович, у нас и кровь индоевропейская, как и у наших соседей, и кожа индоевропейская (а кожа, как известно, дело великой важности, совершенно изменяющее все нравственные отношения людей друг с другом, – иронизирует он), и язык индоевропейский, да ещё какой! Самый чистейший и чуть-чуть не индийский; а всё-таки мы своим соседям не братья. И тут Хомяков ставит серьёзнейший историософский вопрос: почему на Россию столько нашествий? «Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде пред этою самостоятельную силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов. Отказать нам в наших правах они не могут, мы для этого слишком сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могут, потому, что всякое просвещение и всякое духовное начало, не вполне ещё проникнутые человеческою любовью, имеют свою гордость и свою исключительность». Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // А.С. Хомяков. Учение о Церкви. СПб., 2010. С. 258.

соблазн, существовала всегда, но никогда не получала догматического утверждения. Так или иначе, русское западничество в своём именно русском стремлении к святости-праведности при атеизме и отвержении религиозности (а не просто «свобода от» святости как предрассудков, как в западном либерализме. Русский либерализм – это именно и «свобода для».) но, преимущественно, в светском понимании святости как более всего в виде «земного благополучия» именно на Запад всегда переносило и переносит идею «Святой Руси». Запад и становится в этой связи «святой Русью». А наличное и историческое – всегда ненавистно. Либеральный адепт во все времена не может жить «в этой поганой стране». Кстати, не только в России, но и на Западе, если туда уезжает. Впрочем, делается это почему-то очень редко...

Дихотомия «немецкого порядка» и «русского безобразия» или пораженческая установка, в соответствии с которой «куда нам до просвещенной Европы» – этот тренд в историософии России отчётливо и ясно именно как тренд-учение, даже мировоззрение, а не как отдельная идея-рефлексия (как ее выражает, скажем, А. Курбский) появляется, преимущественно, именно в пред- и постнаполеоновскую эпоху. Характерны в ярко карикатурном виде примеры Шиншина в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, который полагал, что Россия обречена на поражение с Наполеоном («сидел бы ты Ерёма дома и точил свои веретёна»). И Смердяков в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского. Сейчас столь же честно и лучше всех суть этого подхода выражает «защитник прав» (чьих?) Ковалев в Интернете: «Россию надо давить, а с ней цацкаются». В более сдержанном, «теоретически-корректном» виде – соответственно П. Безухов и А. Болконский в «Войне и мире» (сочетавшие, впрочем, совершенно парадоксально, как часто было и есть в нашей культуре, интеллектуальный скептицизм с беззаветным, до самопожертвования, служением Родине). И Иван Карамазов в «Братьях Карамазовых» – трагически так и не разрешивший для себя эту непоследовательность.

В исторической реальности такими людьми были князь Н.А. Саблуков и П.Я. Чаадаев. Декабристы – скептики, отступники от собственной культуры ещё идут в ополчение и даже воюют против нашествия «двунадесяти языков» Европы, предводительствуемой Наполеоном. Но потом интеллектуально работают на проигравшего на военном поле противника, всячески развивая идею «проигравшего победителя», который живёт хуже «проигравшего побеждённого». При этом формируется нигде более не встречающаяся, по очень точному определению в «Бесах» Ф.М. Достоевского, либеральная культурная прослойка-оппозиция – антипатриотичная по своей сути. Таковы декабристы в 1825 г. – как «пораженцы», так и «предрешицы». Подобный же эффект в виде требования поражения в войне «собственного правительства» появится у левых в России в Первую мировую войну; а идею «проигравших победителей» будут культивировать диссиденты-шестидесятники после Второй мировой войны.

Юридический смысл программы «заимствований успешного зарубежного опыта» как стремление жить чужим умом может быть квалифицирован как призыв к «поток и разграблению» в интересах другой страны. Это именно «пораженчество» или, по точному определению А.С. Хомякова, – «добровольное холопство». Никаких других научных и культурно-юридических или философско-исторических оправданий здесь нет и быть не может. Тем более в отношении страны, имеющей не просто более чем тысячелетнюю историю, а историю беспрецедентно экстремального существования, т.е. опыта выхода из максимально неблагоприятных ситуаций. И не учитывать этот опыт просто не простительно, даже – преступно. По справедливом замечании В.И. Коваленко, это «смердяковщина», т.е. нигилизм, социальный цинизм, эмоциональное отрицание исторических корней, духовных идеалов и ценностей с вполне определёнными политическими целями. Борьба с искажениями (тоталитарной государственности) переходит в разрушение государственности, как таковой. «Слова Смердякова: «Россия-с, Марья Ивановна, – одно невежество, Россию завоевывать нужно. Придут французы и покорят её, а тогда я в Париже открою парикмахерскую» перестали сегодня восприниматься как литературная реминисценция. Естественной реакцией в этих условиях стал рост настроений ведущего в никуда националистиче-

ского фундаментализма (в России) или национал-сепаратизма в ближнем зарубежье, на некоторых бывших автономных и даже исконно русских территориях»¹.

Вместе с тем, здесь нужно помнить и об очень опасной крайности в виде так называемой конспирологии – «теории кулис», теории «заговоров» или «сионских», «масонских», «финансовых», «коммунистических», «капиталистических» (каких угодно) «мудрецов, тайно правящих миром». О чём говорит теория заговоров, в чём её итоги, а, главное, – какова продуктивная критика в виде вопросов, на которые пока эта теория не даёт ответов? Главная идея этой теории – борьба за мировое господство (военное, экономическое, информационное, биологическое, геополитическое, – какое угодно). Главные здесь и ближайшие нам теоретики – Гегель, Маркс, Дарвин и Клаузевиц. Если нет борьбы, нет и истории. Из современных отечественных авторов наиболее определён в этом отношении Б. Капустин, согласно которому, история без войны, это, так сказать, «деньги на ветер».

Но вот в чём проблема – юридически и экономически эта теория совершенно не подтверждается, – если говорить об итоговых стадиях её осуществления, а не о предварительных декларациях, заявляемых накануне окончательных управленческих решений. Если только агрессия не носит исключительно риторический характер. Но и здесь раньше или позже появляется конфликт между рефлексиями и реальной управленческой практикой. Примером того служат кризисные явления в политике, такие, как события 1812 г. или современный кризис, за устранение последствий которого не взялась, как известно, ни одна транснациональная, международная структура. В статусном и ролевом плане позитивные решения взяли на себя только национальные государства. И в этом – тоже уроки событий 1812 г. Их, если угодно, историософия.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ 1812 г. (на примере Астрахани)

Тимофеева Елена Георгиевна, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

PROVINCIAL SOCIETY OF 1812 (by the example of Astrakhan)

Timofeeva Elena G., D.Sc. (History), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

Обращение к исследованию темы воздействия Великой войны на российской общество, в том числе провинциальное, связано с желанием «разглядеть облик» этого общества в проявлениях конкретного, индивидуального, своеобразного, раздвинуть границы проблемных полей в изучении процессов развития российской провинции в начале XIX в.

Нижнее Поволжье – особая географическая и социокультурная зона, уникальный «вмещающий ландшафт», сохранивший следы многих культур и этносов, взаимодействовавших здесь на протяжении тысячелетий. Астрахань выступала контактной зоной пересечения цивилизаций Востока и Запада. Через «Ворота народов» проходили потоки кочевых переселений из Азии в Европу, маршруты торговли. Это специфический феномен, в котором зафиксированы исторически сформировавшиеся

¹ «Консерватор» – эксперт, гражданин, правитель. Государство, общество, частная жизнь, познание («Круглый стол») // Вестник Московского университета. 1995. № 4. С. 5–6. Серия 12. Политические науки.